

лютно недоказуемый источниками). Возражая Г. Острогорскому (впрочем, не все эти возражения по адресу), П. Шрайнер утверждает: парикия — лишь вид аренды (хотя и официально не оформленной, бездоговорной — обстоятельство, на наш взгляд, автором не оцененное); парикия могла вести к частичной зависимости, но лишь главы семьи, а не всех ее членов, которые могли отделяться от семьи и сами арендовать землю: парик, помимо арендованной, мог иметь и землю в полной своей собственности; положение его определялось не только социальным статусом — среди париков существовали градации, их положение нельзя оценивать только негативно: они были заинтересованы в обработке земли и располагали излишками, реализуемыми на рынке; в XI—XII вв. парики составляли большинство сельского населения, а для поздней Византии, по мнению П. Шрайнера, этот вопрос остается открытым⁴. Заметим в скобках, что подавляющее большинство этих положений разделяют и советские византилисты, что не мешает им оставаться «феодалистами».

М. Каплан также считает необходимым подчеркнуть, что парикия — лишь один из видов аренды, одновременно существовавших и не имевших сравнительно друг с другом каких-либо «фундаментальных отличий». Более того, подобного рода фундаментальные отличия он усматривает даже не между собственниками и арендаторами земли, не между крестьянами разного юридического (социального) статуса, а между земледельцами, располагающими разными экономическими возможностями (в частности, имеющими и не имеющими пахотные орудия), а также между тем, кто ведет комплексное хозяйство (является подлинно «трудящимся»), и тем, кто довольствуется выполнением простых задач («отбывает повинности»); поэтому имелись *несостоятельные* собственники и *богатые* арендаторы; византийская деревня представляется ему как поселение крестьян разного имущественного и социального статуса: это и мелкие земельные собственники, и арендаторы, совсем не имеющие своей земли и располагающие, помимо арендованных, также собственными участками, и зажиточные и бедные, и, по-видимому, усердные и ленивые...⁵

Подобного рода *деконструктивная* позиция в оценке значения парикии в аграрной истории Византии характерна не только для названных выше византинистов, но признающих феодального характера аграрных отношений в империи X—XV вв., — парикия предстает в трудах многих современных историков лишь как маловыразительный частный случай крестьянской аренды, не сыгравшей в истории Византии особой социальной и общественной роли⁶.

Действительно, парикия хотя и не идентична аренде, но самым непосредственным образом с нею связана, в определенном смысле ее можно рассматривать как особый вид поземельной аренды. Против этого заключения не возражал, в сущности, ни один историк-марксист, хотя предпочитал пользоваться при этом не термином «аренда», а понятием «держание».

Именно потому, что парикия была следствием аренды чужой земли, правовые отношения между париком и хозяином этой земли регулировались и в X—XII вв. официальными законоположениями об *арендных*

⁴ Ibid. S. 37, 147.

⁵ См.: *Kaplan M. Modalités et formes de la production dans les villages byzantines (VIe—Xe s.)* // XVI. Internationaler Byzantinistenkongress: Resumés der Kurzbeiträge. Wien, 1981, Sub. nomine.

⁶ См. краткий обзор мнений: *Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. Проблемы истории одного столетия*, 976—1081 гг. М., 1977. С. 7—42.